

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.В. Головачева

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА: О. ХАКСЛИ И ЕВГЕНИКА

Творчество Олдоса Хаксли, имевшего серьезный «роман с наукой» и весьма основательно разбиравшегося в довольно внушительном количестве дисциплин, требует пространного реального комментария. Одна область его научных интересов не получила надлежащего освещения. Это демография, точнее, неомальтузианство и евгеника, которые стали сквозными темами художественных и публицистических произведений писателя. Вопрос при этом отнюдь не сводится исключительно к тому, что именно читал и, следовательно, знал писатель, а в связи с этим насколько были оригинальны созданные им образы будущего. Для критика самым важным является следующий вопрос: насколько справедлива традиционная рецепция, например, такого центрального текста Хаксли, как «Дивный Новый Мир», неизменно трактуемого как насквозь сатирическое произведение, художественная цель которого якобы состояла в том, чтобы ужаснуть публику глобалистской социально-биологической конструкцией – Мировым государством. Попытаемся скорректировать эту точку зрения на примере демографической темы в творчестве писателя.

О. Хаксли весьма вольно обошелся с центральными идеями *мальтузианства*, философии Томаса Мальтуса (1766–1834), автора всемирно известной формулы, описывающей соотношение темпов роста населения и темпов увеличения производства средств существования как соотношение геометрической и арифметической прогрессий. Доказательством такой вольности может служить Новый Мир, где, как известно, практикуются внушенные с молодых ногтей мальтузианские приемы. Женщинам детородного возраста предписано носить мальтузианские пояса – противозачаточные «патронташи». Между тем сам Мальтус, несмотря на тот факт, что некоторые виды контрацепции практиковались задолго до того, как были написаны его «Эссе о принципах народонаселения» (первая редакция опубликована в 1798 г.), категорически возражал против любых известных в его время методов контрацепции. Вместо них он предлагал главный принцип – нравственный, сдерживающий метод, а именно строгую моногамию или целибат! Однако ни Олдос Хаксли, ни какой-либо другой автор знаменитых утопий не согласился с формулой моногамии и воздержания.

Вместе с тем Хаксли полагал бесспорным тезис Мальтуса о неизменно присутствующих нежелательных и желательных факторах, сдерживающих рост населения, как-то: войны, эпидемии, с одной стороны, или добровольный отказ от воспроизводства –

с другой. Формула Мальтуса, с его точки зрения, позволявшая прогнозировать рост населения, также не вызывала у Хаксли ни малейшего сомнения.

Евгеника в том виде, в каком она родилась под пером Франсиса Гальтона, представляла собой очередную попытку победы над плотью, попытку отвергнуть тот очевидный факт, что природа несправедлива, иррациональна и безразлична к человеку. Евгеника была нацелена на искусственно управляемую эволюцию. Она предлагала коррективную утопию и была абсолютно противоположна утопии эгалитаристской и гуманистической. Евгенисты по большей части были энтузиастами, искренне стремившимися поставить науку на службу человечеству, что, впрочем, не отменяло того факта, что многие из них проповедовали исключительно опасные идеи, порожденные во многом недостаточными знаниями о наследственности и антропологии. Некоторые ведущие авторитеты евгенической науки, занимавшиеся в свое время растениеводством или животноводством, выдвинули непротиворечивую на первый взгляд концепцию, основанную на следующей аналогии: поскольку цивилизация родилась тогда, когда человек стал приручать и селекционировать животных, а также культивировать совершенно определенные виды растений, то для дальнейшего развития и сама человеческая порода может и должна быть подвергнута биологическому окультуриванию.

Каковы основные вопросы, поставленные евгеникой? Для чего нужны люди? Какое количество людей целесообразно иметь в отдельно взятом государстве и на всей планете? Какие физические и психические качества следует считать благоприятными? Гуманно ли принятое отношение к рождению, болезни и смерти? Имеет ли любой человек право рожать детей? и пр. Некоторые из этих вопросов приобретают болезненную остроту из-за опасности некорректного использования новейших открытий биологии и генной инженерии. Предложенные Гальтоном пути, такие, как подбор удачных родительских пар, их государственная финансовая поддержка, искусственное оплодотворение и другие, получили название *положительного контроля*.

Методы *отрицательного контроля*, сформулированные, во-первых, как критика гальтоновских предложений и, во-вторых, как попытка снизить рождаемость среди «генетических неудачников», были изначально следствием наивных и ошибочных представлений о том, что человечество будет производить все больше здоровых людей, если прибегнет к сегрегации, стерилизации, кастрации или эвтаназии «носителей нездоровой наследственности». К таковым в разных странах причислялись не только слабоумные и психически больные, но и люди с различными физическими пороками, эпилептики, слепые, слабовидящие, глухие, алкоголики, наркоманы, преступники, сексуальные извращенцы, нищие и бродяги. Перед всяким, кто приступал к решению этических вопросов, поставленных евгеникой, возникала и по-прежнему возникает проблема приоритета: что ценнее – конкретная, уже существующая человеческая жизнь, потребности отдельной личности или судьба человечества, глобальные интересы будущих поколений? Евгенисты исходят из того, что наши моральные обязательства относятся ко всем грядущим поколениям и что дети – не собственность родителей.

Евгенические идеи получили огромную популярность сначала в Британии и США, а лишь потом укоренились в идеологии Германии. Ведущие мыслители и литераторы с энтузиазмом восприняли евгенику. Так, Б. Шоу искренне полагал, что лишь евгеническая религия способна спасти цивилизацию от упадка. Заметим, что с начала века в Британии велась активная пропаганда, согласно которой восточноевропейская иммиграция оказывает деградирующее влияние на общее качество населения. Евреи также виделись паршивыми овцами в общенародном стаде. Что до Америки, то 1920-х там складыва-

лась исключительно благоприятная иммиграционная обстановка. Она оставалась таковой до тех пор, пока и на этот континент не проникли евгенические идеи. Именно там они нашли сильнейшую поддержку не только в ученой среде, в частных и общественных фондах, но и в правительственных структурах множества штатов, особенно в Калифорнии. Америка в целом приняла долгосрочную программу евгенического контроля над иммиграцией, определив, представителям каких национальностей будет позволено поселиться в США, а также какие психофизические и интеллектуальные качества потенциальных иммигрантов будут являться основанием для отказа в разрешении на постоянное место жительства. Не все евгенические идеи относились к так называемой расовой гигиене, хотя если говорить о США, то, заметим, в 30 штатах были приняты законы, запрещающие межрасовые браки.

Привлекательность евгеники для ученых умов объясняется прежде всего тем, что она, как представлялось в то время, основывалась на строго научном фундаменте, т.е. на тогдашних взглядах на проблемы наследственности. Пространные статистические выкладки и составленная на их основе картина печального будущего выглядели убедительными в глазах нескольких поколений граждан: кроме ученых, евгеникой увлеклись фабианцы, консерваторы, врачи, педагоги и социальные работники.

Творчество Хаксли, как художественное, так и публицистика, освещает всевозможные стороны жизни тела – от яйцеклетки до могилы. *Body politic* (термин предложил сам писатель) предстает в дискуссиях о размножении или предохранении, о типе зачатия, о качестве плода, о необходимом и достаточном количестве рожденных или произведенных младенцев, о телесной боли и радости, о долгожительстве и сенильности и, наконец, об умирании и процедурах похорон или за отсутствием оных об избавлении от мертвой плоти. Он также писал о расах и национальностях. Ряду его предсказаний в области биологии человека суждено было сбыться еще при жизни писателя: в 1934 г. было произведено первое искусственное оплодотворение, в 1955 г. впервые испытано воздействие синтезированного прогестерона на предотвращение беременности, а в 1956 г. был изобретен «эновид» — первая противозачаточная таблетка, получившая достаточное широкое распространение, что, впрочем, никак не отмечено в его текстах.

Несмотря на то, что ошибочность мальтузианской формулы прогрессий была доказана еще при жизни О. Хаксли (как известно, в те или иные моменты истории по разным причинам рост населения вовсе прекращался, а иногда показатели оказывались отрицательными) писатель до конца своих дней оставался убежденным приверженцем этой концепции.¹ В этом, как и во многом другом, он оказался противником коммунистов, которые, вслед за Марксом и Энгельсом, возмущенно отвергали саму идею необходимости сокращать рост населения и считали, что подобная политика на руку лишь правящим классам. Вместе с тем Хаксли прекрасно понимал, что отказ от деторождения может быть связан не только с экономической необходимостью, диктующей иметь столько людей, сколько способно прокормить государство. Как явствует из «Дивного Нового Мира», причины ограничительной демографической политики могут иметь классовый или евгенический характер. Впрочем, в конечном итоге это означает, что выбор количества и качества «плод», пригодных для донорства женщин, добровольно отдающих яичник для последующего искусственного оплодотворения и клонирования зародыша, как экономически, так и политически целесообразен для Мирового государства, обеспечивающего счастье всех и каждого. В романе также изображены последствия искусственного воспроизводства: обезличивание рождения (равно как и смерти) несет не меньшую опасность для личности и психики, чем тоталитаризм.

Откликаясь на дискуссии о расах, их смешении и чистоте, Хаксли еще в 1925 г. называл их смехотворными попытками защитить преимущество нордической крови перед «дегенерирующей» средиземноморской на основании пока еще скудных данных о наследственности. Он разбивает в пух и прах доводы яркого евгениста Х. Чемберлена, утверждавшего, что не только Наполеон, но и Иисус Христос были тевтонского происхождения. Надо отметить, что в 1920-е годы даже те, кто придерживался более умеренных взглядов, ничуть не смущаясь, утверждали, что потомки итальянских гениев Возрождения деградировали столь заметно, что, например, квота на их иммиграцию в США не должна превышать нескольких сотен человек в год.

Отвечая на этот модный тезис, писатель указывал на ошибочность рассуждений о наследуемых признаках вырождения, обращаясь к известным фактам эволюционной теории: в животном мире ничего подобного не наблюдается. В весьма остроумной статье, первоначально называвшейся «Как важно быть нордическим: мысли, вызванные некоторыми нелепыми теориями наших доморощенных антропологов» (1925), написанной для журнала «Vogue», Хаксли подвергает расистскую риторику блестящему критическому анализу: «Нордические народы вообразили нынче, что заняли место древних греков и римлян. Все добродетельное и разумное – их достояние, а все дурное относится к средиземноморским и альпийским народам. На это историки могут возразить, что афинянам ума было не занимать, что Юлий Цезарь и Наполеон – великие люди, что итальянцы эпохи Возрождения тоже кое-чего добились. «Это все потому, что они были нордического происхождения», – возражают антропологи. «Откуда вам это известно?» – спрашиваем мы с некоторым недоумением. «А кем же еще они могли быть, – отвечают эти философы, – раз уж они достигли таких выдающихся результатов?». Мы склоняемся под грузом этого аргумента».²

Писатель предложил два варианта объяснения феномена «дегенерация»: либо факт вырождения является продуктом фантазий ученых расистского толка, либо следует уточнить, что речь идет о вырождении как о приобретении негативных признаков в результате патологического влияния среды. В то время Хаксли были уже известны сильные аргументы против ламаркизма, ибо тогда возобладала точка зрения, согласно которой приобретенные свойства и черты не наследуются. Об этом он в данном тексте ничего прямо не говорит, хотя весьма близко подводит читателя к таким выводам.

Несколько забегаая вперед, обратим внимание на его статью «Современная доктрина прогресса», написанную для журнала «Vogue» в 1928 г., где Хаксли не подвергает сомнению тезис о том, что приобретенные признаки не передаются по наследству.³ Но в дальнейшем, несмотря на осведомленность относительно новейших генетических концепций, Хаксли периодически склонялся к ламаркизму. Пока же в статье «Как важно быть нордическим» писатель делает вывод: ни о каком наследственном вырождении не может быть и речи. Что касается оценки способностей, то последние могут оставаться непроявленными в зависимости от благоприятных или неблагоприятных факторов среды. Кроме того, врожденные способности могут быть задействованы лишь частично, не столь полно, как, например, в эпоху Леонардо да Винчи. Хаксли призывал не делать поспешных выводов до того, как законы наследственности будут тщательно изучены. Статья завершается словами: «Многочисленным последователям Хьюстона Чемберлена следовало бы попридержаться языки. А то исходящий от них шум отвлекает серьезных исследователей».⁴

Считал ли Хаксли, что «все равны»? Ничего подобного! Он провозглашал необходимость интеллектуальной селекции. Общество счастливого будущего представля-

лось ему организованным в виде иерархии по интеллекту. На основе интеллектуального естественного отбора образуется кастовая система. Форма правления должна быть аристократической в том смысле, что править должны лучшие. Еще до того, как Хаксли приступил к написанию «Дивного Нового Мира», он полагал необходимым применять евгенику как способ улучшения человека и общества. Идея равенства вызывала у Хаксли не просто сомнения, а активные возражения. Мысль о равенстве, говорил писатель, может в наше время прийти в голову разве что буйно-помешанному. Вновь начавшиеся в 1920-х годах разговоры об уравнительных возможностях воспитания привели к раздраженному выпадку со стороны писателя в адрес бихевиористов, возродивших идею Гельвеция относительно бесспорной эффективности воспитания и незначительной роли наследственности. Бихевиорист Д. Уотсон отвергал роль наследственных способностей, утверждая, что при равном наборе эмбриональных качеств и при равных условиях контролируемой внешней среды он сможет вырастить – по заранее намеченному плану – богача, бедняка, нищего или вора. Хаксли находит это утверждение смехотворным в силу новейших доказательств теории наследственности: «Согласно бихевиористам <...> поскольку дети неразличимы при зачатии, именно среда может превратить оплодотворенную яйцеклетку в индианку или в английского гения, а может быть, и в умственно отсталого негра».⁵

В «Заметке о евгенике» (1927) Хаксли, поддавшись очарованию популярной тогда риторики «вырождения» и как будто предав забвению собственные возражения двухлетней давности, упрямо твердит об опасности для демократии со стороны – кого бы вы думали? – тех, кто рождены умственно неполноценными, ибо их количество, по его мнению, вскоре превзойдет число «сильных, умных и активных». Какова же, на его взгляд, основная причина «вырождения»? Оказывается, в различных показателях рождаемости в этих условных группах населения. В самом деле, с одной стороны, физически и умственно неполноценным предоставлена возможность размножаться, так как этому способствуют благоприятные санитарно-гигиенические условия и процветающий в общественной жизни гуманизм. С другой стороны, представители высших социальных и профессиональных слоев населения не склонны воспроизводить себе подобных в таких же количествах, как и люди «без определенных занятий». Более того, поднявшись из низов в верхи, эти последние, «как правило, не сохраняют способности к размножению, характерные для тех слоев, из которых они произошли, а перенимают привычки к контролю над рождаемостью, принятые среди представителей своего нового класса. Иными словами, <...> высшие индивиды становятся все более стерильными по мере продвижения наверх».⁶

Писателю представлялся столь же неоспоримым тот факт, что вырождающееся население одной страны не сможет противостоять евгенически благополучной стране-сопернице. Таким образом, евгенический дискурс постепенно перешел в план геополитики, а далее и вовсе в план расисткой демагогии: «Белые расы окажутся во власти цветных рас, а высшие белые люди окажутся во власти низших белых».⁷

В «Заметке о евгенике» обсуждаются различные евгенические проекты тех лет. Хаксли сравнивает идеи известного неodarвиниста Дж.Б.С. Холдена (1892–1964), своего приятеля и в дальнейшем создателя синтетической теории эволюции, с идеями двух родственников Ч. Дарвина – Эразмуса и Леонарда. Наиболее интересен отклик Хаксли на книгу «Необходимость евгенической реформы» Л. Дарвина, сына Ч. Дарвина, с 1912 г. президента, а затем вице-президента Британского евгенического общества. Труд Л. Дарвина был опубликован в 1926 г. Его автор прежде всего отмечает тот факт, что четкое

представление об «евгенической норме» пока не выработано, указывая вместе с тем на доказательства явной корреляции между «евгеническим уровнем» человека и его способностью зарабатывать деньги. О. Хаксли, не подвергая ни малейшему сомнению верность такой концепции, соглашается с тем, что это важное качество и что государству следовало бы материально поддерживать «евгенически перспективных» граждан. Судя по всему, писатель имел в виду, что государству следует субсидировать тех, кто в дальнейшем прекрасно обойдется без государственного финансирования. Данная идея со всей очевидностью противоречит гуманистической и либеральной установкам. Таким образом, нам приходится признать, что во второй половине 1920-х годов Хаксли придерживался крайне консервативной точки зрения на вопросы демографии, на национальный вопрос и на права человека. Увлечшись фантазиями на тему социального строительства, писатель, подобно многим интеллектуалам той поры, мало задумывался над тем, как воплощение подобных социальных проектов отразится не только на массах и народах, но и на отдельно взятом «маленьком человеке».

По всей видимости, тогда писатель, как и большинство интеллектуалов, не задумывался о безнравственности идеи и практики стерилизации неудачников наряду с олигофренами. Как ни странно, Хаксли не смущала и неподтвержденность гипотезы о наследовании таких черт характера, как «целеустремленность и честолюбие». Единственное, что волновало его тогда – так это последствия такой евгенической политики. В самом деле, в подобном обществе исключительно сильные, здоровые и удачливые «особи» оказались бы перед необходимостью постоянно бороться за место под солнцем с себе подобными, т.е., как он выразился, пребывали бы в состоянии хронической гражданской войны: «Если евгенисты слишком ревностно подойдут к вопросу улучшения расы, они лишь добьются того, что погубят ее».⁸ Поэтому Хаксли предусмотрительно настаивал на необходимости установления разных каст.

В статье «Паскаль» (1929) писатель, продолжая оценивать концепции Л. Дарвина, пришел к выводу, что, избавившись от больных и всякого рода неудачников (какова бы ни была причина их неудач – ничтожный или мощный интеллект, слабость характера или эксцентричность), мир окажется населенным исключительно Бэббитами и полностью исключит возможность появления Мышкиных. Хаксли настораживала и все еще популярная риторика М. Нордау («Вырождение», 1895) и его последователей, не видевших совершенно особой роли болезни в творчестве и озарении и, следовательно, отрицавших, например, значение эпилепсии в творчестве Достоевского. Сторонники такого утилитарного подхода приравнивали «безумных гениев» к «тривиальным сумасшедшим» и «банальным невротикам». Евгеника вновь представлялась писателю внутренне противоречивой, а значит, не вполне научной теорией. В самом деле, стремясь культивировать высшую расу и не принимая во внимание биологическое и психологическое разнообразие человеческих типов, евгеника была готова отказаться от того самого материала, который порождает гениальность и одаренность. Однако некоторые профессиональные евгенисты, в том числе и родной брат писателя Дж. Хаксли, также постепенно пришли к выводу о бесценности разнообразия как источника внутренней силы эволюции.

В 1930-е годы под влиянием Великой депрессии некоторые видные евгенисты вновь заговорили о непосильном бремени, которое лежит на государстве, вынужденном поддерживать дисгенических, неблагополучных граждан. Хаксли вновь заявил о своей вере в евгеническую предестинацию, в природное предопределение, влияние которого намного сильнее воздействия среды и воспитания. Все это, как он писал в статьях «Гра-

ницы утопии» (1931)⁹ и «О прелестях истории и о будущем в прошедшем» (1931), хотя и не вселяет оптимизма, но все же приводит к логическому заключению, что непрерывный прогресс человечества возможен лишь при выполнении двух условий: во-первых, улучшения наследственных характеристик населения путем целенаправленного «разведения» (breeding) (т.е. применения *положительных* евгенических методов), во-вторых, сокращения численности населения. Очевидно, в то время уже «обустроивая» свой Новый Мир, Хаксли полагал, что, скорее всего, в будущем будет преобладать вера в естественное неравенство.

Один из центральных образов «Дивного Нового Мира» появился в романе под влиянием небольшой книжки «Дедал или наука и будущее» (1923) Дж.Б.С. Холдена (Haldane J.B.S. *Daedalus: or Science and the Future*), который был к тому же великолепным популяризатором научных идей. Холден писал о «ребенке в пробирке». Идея INF (in vitro fertilization), т.е. искусственного оплодотворения, получила реальное воплощение полвека спустя, в 1970-е годы. В «Дедале» Холдена, как впоследствии и в «Дивном Новом Мире» Хаксли, дело этим не ограничивается. В обоих сочинениях речь идет не просто об INF, а об *эктогенезе*, т.е. о развитии плода вне тела матери.¹⁰ По всей видимости, Холден поделился с Хаксли этой идеей еще до публикации своего «Дедала». В противном случае трудно объяснить, каким образом в романе «Желтый кром» (1921 г.) мог появиться эпизод, в котором мистер Скоуган – в нем читатели безошибочно узнавали Бертрانا Рассела, друга Хаксли, математика и философа – произносит слова: « <...> Богиня прикладных наук преподнесла миру <...> ценный дар – средство отделения любви от размножения <...> В течение нескольких следующих столетий <...> мир может стать свидетелем еще более полного разрыва. Я ожидаю этого с полным оптимизмом <...> Место ужасной системы, которую дала нам природа, займет обезличенное размножение. Громадные государственные инкубаторы, в которых бесконечные ряды колб с зародышами, дадут миру то население, какое будет ему потребно. Институт семьи исчезнет <...> И Эрос, прекрасный в своей свободе и не скованный ответственностью, будет порхать, словно пестрый мотылек, от цветка к цветку над залитой солнцем землей».¹¹

Если же не Холден подсказал идеи *эктогенеза* и *клонирования* О. Хаксли, то авторство, очевидно, принадлежит либо самому писателю, либо Б. Расселу. Немало идей, касающихся репродукции, из которых вырос «Дивный Новый Мир», Хаксли почерпнул из книги Рассела «Научное мировоззрение» (1931).¹² Рассел, в частности, предсказывал такое положение вещей, при котором евгеника, а точнее генетическая манипуляция, может привести к рождению высокоодаренных детей, а в некоторых случаях – детей с идиотией и физическими уродствами. Рассуждая об утопических конструкциях в главе «Искусственные общества», Рассел характеризовал строительство утопий как проявление воли к творчеству. А воля к творчеству, в свою очередь, это разновидность воли к власти и потому всегда найдутся люди, стремящиеся воспользоваться данной им властью там, где сама природа добилась бы наилучшего результата без всякого вмешательства человека. И все же, успокаивал себя Рассел, даже отрицательные эксперименты с наследственностью в конце концов приведут к созданию нового интеллектуального человечества. Впрочем, Рассел подозревал, что биологи и политики, скорее всего, не будут стремиться осчастливить высоким интеллектом всех поголовно. Напротив, по всей видимости, будет создана кастовая система, а интеллектуальная аристократия станет наследственной. Евгенические методы отбора соответствующих наследственных характеристик, химическое и термическое воздействие на плод, особая диета в первые годы жизни – все будет нацелено на гарантированно безукоризненное пре- и постнатальное

развитие особей высшей касты. «Научное мировоззрение» также содержит прогноз относительно насильственного регулирования численности населения.

В 1932 г., в год выхода в свет «Дивного Нового Мира», Хаксли выступил на радио BBC в передаче «Наука и цивилизация», вновь обратившись к теме вырождения белой расы, точнее западноевропейских народов, и к разговору о мерах, необходимых для их выживания. При этом он восторженно ссылаясь на тезисы, выдвигаемые в книге неодадарвиниста и генетика Р. Фишера «Генетическая теория естественного отбора» (1930).¹³ Хаксли сетовал на то, что евгенисты пока еще не являются реальными политиками, но могут целенаправленно становиться ими по мере того, как будет углубляться их понимание законов и роли наследственности. Он с явным удовлетворением отметил успехи *отрицательной* евгеники, практиковавшей «вполне безопасную для здоровья стерилизацию больных (sterilization of the unfit)». ¹⁴ Можем ли мы на этом фоне по-прежнему считать, что утопия Хаксли имеет анти-евгеническую направленность? Очевидно, что у беспристрастных критиков должно возникнуть сомнение относительно справедливости такой оценки «Дивного Нового Мира».

О. Хаксли обратился к фишеровскому тезису о несовместимости социального, точнее экономического, успеха с биологической, репродуктивной успешностью отдельной личности и нации в целом. Писатель представляет этот тезис просто, если не сказать примитивно: социально активной, а значит, интеллектуальной личности приходится направлять свою энергию, а главное финансы, на достижение экономического успеха, что не позволяет ей тратить время и деньги на биологическое воспроизводство. Хаксли соглашается с Фишером: нация или – шире, раса в самом деле глупеет, ибо в статистическом смысле рождается все меньше детей с врожденно-высоким интеллектом. Согласно этой картине, чем глупее – тем плодовитее. Еще один шаг в направлении экстремистского шовинизма (и писатель дошел бы, вероятно, до столь близкой евгенистам-фанатикам аграрной аналогии) – культурные растения размножаются не столь активно, как сорняки.

О. Хаксли усмотрел выход из сложившегося демографического кризиса в таком решении: следует создать экономическую ситуацию, которая сделала бы усиленное воспроизводство интеллекта весьма выгодным для социально успешных классов. По его мнению, положение можно исправить, если евгенически удачные семьи получают существенные налоговые льготы и повышение зарплаты в связи с рождением каждого последующего ребенка. При том писатель умалчивает, как такая политика отразится на «неперспективных» семьях или на «дисгенических» людях. Видимо, он подразумевал, что они не есть предмет заботы государства. Статью венчает призыв: «Давайте, предотвратим истощение наших ресурсов!» ¹⁵ Нет никаких сомнений, что под *нашими ресурсами* Хаксли понимал генофонд интеллектуальной элиты и класса профессионалов.

Любопытно, что, не задаваясь вопросом о моральности евгенического контроля в принципе, Хаксли все же нашел нужным предупредить о возможности практического манипулирования людьми с помощью евгеники отнюдь не с целью улучшения конкретной расы или человечества в целом, а с дисгенической целью – намеренно снизить средний интеллектуальный уровень. Причины для выбора дисгенической политики очевидны: совершенный человек малопригоден для массового производства и массового потребления. Совершенная личность неудобна государственной машине, которой легче управлять массой «умственно отсталых»! Заметим, что в начале 1930-х годов тема допустимой меры вмешательства медиков и государственных чиновников в частную телесную жизнь практически не дискутировалась ни в Европе, ни в Америке, ни в СССР.

«Дивный Новый Мир» мог, по существу, восприниматься как начало такой дискуссии вне зависимости от того, какой конкретный смысл автор вкладывал в этот роман, создавая его. Ввиду своей беспрецедентности эта утопия некоторое время спустя стала восприниматься как иллюстрация для тезисов биоэтики, ибо изображала последствия генетического манипулирования.

О. Хаксли до конца жизни был увлечен евгеническими вопросами. Он несколько не сомневался в том, что любые блага цивилизации окажутся совершенно бессмысленными, если конкретные личности не будут в состоянии их воспринять и адекватно использовать. По существу, писатель так никогда и не отказался от мысли, впервые высказанной в статье «Границы утопии» (1931): непрерывный прогресс цивилизации возможен лишь при двух условиях – улучшении наследственных признаков и сокращение рождаемости. Писатель не изменил и своему убеждению, что некачественное и самоубийственно избыточное население – главная угроза демократии. Говоря о проблемах перенаселенности и контрацепции, он настаивал на том, что следует рассматривать их решение в рамках «превентивной этики», или «моральной профилактики», т.е. системы взглядов, которая ведет к уменьшению такого потенциального зла, как голод, насилие и жестокое обращение с детьми. Дорога к тоталитаризму, в его представлении, идет от перенаселенности – через безработицу, бедность, социальную напряженность и далее через общественные беспорядки и хаос – к диктатуре коммунистической партии или военному режиму.

В 1934 г. Хаксли написал статью «Расовая история», по существу рецензию на бестселлер М. Гранта «Завоевание континента» (Grant M. *The Conquest of a Continent: The Expansion of Races in America*, 1933). Отмечая очевидную нелепицу в рассуждениях Гранта относительно качественного отличия европейских (особенно нордических) рас и провозглашая бесспорным то, что «ни одна из ветвей белой расы не имеет монополию на интеллект», писатель тем не менее соглашается с тезисом Гранта о дегенеративных последствиях смешения различных рас и, следовательно, оправдывает сегрегационные законы.¹⁶ По мнению Хаксли, дискриминация со стороны иммиграционных властей должна быть направлена не против расы (за исключением тех случаев, когда смешение рас привело бы к биологически нежелательным результатам), а против недостатка интеллекта: «Страна прежде всего нуждается в мозгах, а не в голубых глазах». Как мы видим, Хаксли по-прежнему отметал доводы расистов в пользу доводов евгенистов-социологов.

Надо отметить, что и в дальнейшем Хаксли не давал ни малейшего повода для упреков в расизме. Особенно резким стало его осуждение национализма в связи с событиями в нацистской Германии (статьи «Расовая шумиха», 1933 и «Затмение разума», 1934¹⁷). Не последнюю роль в укреплении его убеждений относительно равенства рас могло сыграть и то обстоятельство, что его брат, выдающийся генетик и евгенист, счел в 1935 г. политически правильным отрицать расовые отличия в ответ на введение в Германии сегрегационных законов.

В публикации 1934 г. «Что происходит с нашим населением?» Хаксли в очередной раз рассуждает о парадоксе социального прогресса. В самом деле, и без всякой демографической статистики, которой писатель пользовался весьма добросовестно, понятно, что с улучшением условий жизни и труда сокращается детская смертность. Однако это очевидно положительное явление имеет, как тогда считалось, оборотную сторону: неполноценные от рождения дети доживают до зрелого возраста. Поэтому большинство считали, что «улучшение среды привело, среди прочего, к общему ухудшению генофон-

да».¹⁸ Хаксли в очередной раз обращается к книге Фишера, целиком поддерживая его тезис о вырождении лучших вследствие возрастания численного превосходства худших. Хаксли делает вовсе неверный с логической точки зрения вывод: те, кто составляют проблемную группу, потому и входят в нее, что являются «умственно неадекватными». В связи с этим «положительные» евгенические меры естественно представлялись Хаксли недостаточными. Последние должны применяться параллельно с «отрицательными». Неполюценные, чья дефективность удостоверена медиками, должны быть подвергнуты стерилизации. Кроме вышеназванных аргументов в пользу стерилизации огромного количества «непригодных» граждан, писатель приводит еще и следующие: 1) стерилизация – не то же самое, что кастрация; 2) стерилизация является почти безвредной терапевтической мерой; 3) стерилизация санкционирована законодательством Швейцарии, Германии и Соединенного Королевства Великобритании. Она применяется в половине штатов США.

Обратим внимание на то, что статья «Что происходит с нашим населением» написана в то время, когда в Германии принимались законы, по которым проводилась «борьба за расовую гигиену». Рассуждая о том, что по моральным соображениям большинство медиков отказываются проводить такую операцию, если она назначена по евгеническим соображениям – а таковые не прописаны в законе – Хаксли хоть и симпатизирует этим хирургам, но все же выражает надежду на то, что будет принят новый законопроект Евгенического общества касательно стерилизации «по биологическим соображениям». Он называет эту меру *весьма умеренной*. Она представляется ему далеко не достаточной! Может ли критик, имея в своем распоряжении такой текст, по-прежнему считать, что в 1930-е годы Хаксли проповедовал гуманизм?

Размышления на темы евгеники не отвлекали Хаксли от «главного удара», который, по его глубокому убеждению, следовало направить на решение проблемы демографического взрыва. В этом контексте написано его Предисловие к книге Н. Хэра «Методы регулирования рождаемости» (1936). Это Предисловие писателя, неизменно выступавшего за любые методы предохранения, преимущественно посвящено обсуждению этических проблем, как это ни удивительно, и по сей день не утративших актуальность в контексте современного клерикального дискурса. Так, например, основной довод протестантизма против контрацепции основан на следующем соображении: противозачаточные средства и методы побуждают к беспорядочным половым связям.

Несколько забегаая вперед, посмотрим на Предисловие, написанное Хаксли примерно два десятилетия спустя, к книге А. Саллоуэя «Регулирование рождаемости и католическая доктрина» (1959). На сей раз Хаксли, соглашаясь написать вступительную статью, заинтересовался доводами католицизма, очевидно, исчерпав возможности диспута со сторонниками протестантской точки зрения. По мнению писателя, католики, исходя из концепции *закона природы*, предают забвению *закон равновесия*. Равновесие в природе и обществе неминуемо нарушается, если количество «ртом» превышает количество пищи. Отношения человека и природы должны, как считает Хаксли, войти в сферу теологической мысли. Нарушая природный баланс, мы неминуемо навлекаем на себя беду в виде эрозии почв, пыльных бурь и бесплодных земель. (Хаксли и вообразить не мог таких последствий нашей жизнедеятельности, как истончение озонового слоя и парниковый эффект!) Его прогнозы таковы: неограниченный прирост населения приведет к недоеданию миллионов, бесчисленным голодным смертям, густонаселенным трущобам, массовым беспорядкам, войнам и, как неизменно подчеркивал писатель, к порабощению народов тоталитарными правительствами. В конце Предисловия к книге Сал-

лоуэя Хаксли подводит нас к главному выводу: неотложная задача всех мировых конфессий состоит в том, чтобы довести до людей эти простейшие идеи, придав им подобающее богословское выражение.

Однако вернемся в 1940-е годы. В 1942 г. Хаксли написал краткое Предисловие к книге Э. Монтагью «Самый опасный миф человечества: расовое заблуждение». В Предисловии выделяется главное, с точки зрения писателя, достоинство этого блестящего и на тот момент вполне исчерпывающего исследования. «Заблуждения, лежащие в основе пропаганды расовой ненависти, — отмечает д-р Монтагью, — не замечаются, так как большинство людей испытывают стремление проявить агрессию, а представители иной этнической группы становятся удобными жертвами, на которые эта агрессия направляется с чистой совестью».¹⁹ Как видим, Хаксли переводит этнический дискурс в психологический.

В главе «Евгеника, генетика и раса» Монтагью указал на то, что стерилизация всех до единого умственно отсталых в течение ближайших двух тысяч лет всего лишь на 50 % сократит процент слабоумных в общем количестве населения. Данная мера, следовательно, непригодна. Заметим, что данный тезис, если и был замечен О. Хаксли, то вскоре был то ли забыт, то ли отвергнут. В заключение Монтагью суммировал свои возражения против *положительной* евгеники: ошибочно полагать, что человеческие группы столь же генетически просты, как виды домашних животных или сельскохозяйственных культур, а значит, сама идея разведения ошибочна. Что касается *отрицательной* евгеники, то выводы Монтагью таковы: ее положения несостоятельны и, следовательно, практически неоправданы. (Кроме того, репутация этих методов оказалась навсегда запятанной политикой нацистской Германии.) Было бы куда разумнее, заключает автор «Самого опасного мифа», если бы евгеника стала разделом социологии, а не биологии. Пока человек не разберется с *nurture*, ему не безопасно пускаться в авантюрные эксперименты с *nature*. «Ветхий домишко на шатком фундаменте — не лучшее место для акробатических этюдов» — таковы заключительные слова главы о евгенике.

В 1947 г. Хаксли написал статью «Размышления о прогрессе» (1947), в которой, как может показаться, повторяются прежние тезисы: «Если добиваться наследственно-го улучшения человечества как биологического вида, то достигнуто оно будет такой же селекцией, которая привела к улучшению пород домашних животных <...> Следует отметить, что наследственные характеристики наиболее цивилизованных народов планеты, *скорее всего*, ухудшаются (курсив наш. — И.Г.). Происходит это из-за того, что лица с дурной физической и интеллектуальной наследственностью имеют гораздо больше шансов выжить в современных условиях, чем когда бы то ни было гораздо в более суровых условиях прошлого».²⁰ Однако писатель утверждает, что широкомасштабный евгенический эксперимент возможен лишь под эгидой всемирной диктатуры, а большего кошмара Хаксли и представить себе не мог. Впрочем, в реальность альтернативного, децентрализованного пути он не верил, хотя и доказывал его эффективность.

В «Размышлениях о прогрессе» Хаксли впервые озвучил не только вопрос о целесообразности евгенического вмешательства, но и проблему его этичности. Но, пожалуй, самое важное заключено в словах: «Критерии, по которым мы оцениваем биологический прогресс, непригодны для оценки человеческого прогресса. Ибо биологический прогресс имеет отношение лишь к виду в целом, но нельзя реалистично рассуждать о человечестве без того, чтобы не рассматривать личность, а не только род, к которому эта личность принадлежит. Нетрудно представить себе такое положение вещей, при котором род человеческий достигнет успеха за счет составляющих его людей, если их станут

рассматривать как личности. Если прибегнуть к собственно человеческим критериям, то *такой биологический прогресс* будет оценен как более низкая, недочеловеческая стадия» (курсив наш. – И.Г.).²¹ Под «таким биологическим прогрессом» Хаксли имеет в виду положение вещей, при котором потребности свободной личности будут положены в жертву абстрактным потребностям биологического выживания человечества. Очевидно и другое: корреляция между счастьем индивидуума и благополучием социума может оказаться намного сложнее ожидаемой. В самом деле, без выживания человечества в целом вряд ли имеет смысл говорить о потребностях личности. Но вместе с тем жизнь личности теряет всякий смысл, если не наполнена специфически личностными смыслами.

Размышления об «истинном» прогрессе ничуть, как мы увидим, не мешали писателю вновь и вновь возвращаться к евгенической риторике, повторяя то, о чем он писал более 10 лет назад.²¹ Так, в одном из писем 1948 г. (Huxley A. *Letters of Aldous Huxley*. New York, 1969. P. 588.), он снова говорит о грядущих изменениях в качестве населения. Писатель опять выражает беспокойство по поводу существенной разницы между уровнем воспроизводства, только на сей раз не между классами, а между «одаренными» и «менее одаренными». Это весьма показательный пример того, насколько устойчивыми были его давние убеждения, на которые не повлияли даже на первый взгляд внимательно прочитанные им специальные научные труды, например книга Монтэгью. Даже изменения во взглядах писателя, произошедшие в результате его духовных практик, не привели к переменам в его евгенических верованиях.

В 1950 г. вышла очередная статья Хаксли, посвященная вопросам демографии, «Двойной кризис», где поднят важнейший вопрос о «естественности» и «противоестественности» в сфере продолжения рода. В самом деле очевидно, что естественная, т.е. многодетная, семья ближе к природе, но в конечном итоге она по существу дальше от реальности индустриального и постиндустриального общества. Биологически нормальная, традиционная (многодетная) семья принесена в жертву новой среде и новым общественным отношениям. Хаксли признает это новое положение семьи, размер которой продиктован требованиями экономики и гигиены, гораздо меньшим злом, чем перенаселенность, грозящая неисчислимыми бедами (голодом, тиранией, войной, революцией и пр.). «Если мы вмешиваемся в действие сил, несущих смерть, то нам также следует вмешиваться в действие сил, дарующих жизнь»,²² – пишет Хаксли. И снова он подчеркивает, что человечество сможет решить подобные вопросы лишь в глобальных масштабах. (На сей раз Хаксли не приравнивает глобальность к тоталитарности!) В противном случае, как апокалиптически пророчествует писатель, человечество заплатит непомерно высокую цену за восстановление плодородности земель и поиск новых продовольственных ресурсов. При таком положении не меньшей будет и цена за подготовку адекватной защиты от неминуемых третьей мировой войны и первой мировой революции. Хаксли перечисляет едва ли не все меры, требующиеся всемирному правительству для предотвращения грядущих катастроф. Та же мысль с изрядной регулярностью будет повторяться в последующих сочинениях писателя, например в статье «Обычно разрушался» (1956).²³

В 1956 г. Хаксли, как никогда прежде, много писал на демографическую тему. Возможно, он был осведомлен о прорыве в области фармакологической контрацепции и стремился всячески подчеркнуть, какое глобальное значение приобретет будущее открытие волшебной противозачаточной таблетки. В этот год вышло новое издание романа «Дивный Новый Мир», к которому он пишет Предисловие под названием «Снова в

Дивном Новом Мире», где очередной раз предупреждает читателя о всех опасностях, тающихся на пути решения проблемы перенаселенности. Оценивая точность своих прогнозов 1930-х годов, Хаксли признается, что был наполовину прав, что вызвало в нем чувство неудовлетворения. Придуманые им обитатели Нового Мира решили проблему перенаселенности и освоили методы поддержания баланса между количеством людей и количеством доступных природных ресурсов. Отметим тезис Предисловия о том, что разведение и селекция людей, т.е. евгеническая политика, являющаяся основой благосостояния Нового Мира, лишь потому не практикуются современными демократическими государствами, что встречают сопротивления со стороны традиционных либерально-гуманистических установок, согласно которым «не личность существует ради государства, а государство существует во благо личности». Как мы теперь знаем, отрицательная евгеническая политика практиковалась в Старом и особенно в Новом Свете достаточно активно, а критерии того, когда и какие биологические свободы личности следует или можно ущемлять ради интересов государства, постоянно смещались. Удивительно в этом смысле, что Хаксли, пускаясь в общие рассуждения об этичности физического вмешательства в частную физиологическую жизнь индивидуума, игнорировал конкретные и без сомнения известные ему факты жестокой практики отрицательных евгенических методов.

В 1958 г. Хаксли выпустил публицистическую книгу «Снова в Дивном Новом Мире», в которой он отвел вопросам демографии отдельную главу, назвав ее «Перенаселенность». Глава о евгенике также получила весьма прозрачное заглавие «Количество, качество, мораль». По сравнению с недавним Предисловием, писатель несколько укрепил свою веру в то, что рано или поздно дети будут появляться на свет из пробирок. На этот раз он постарался развеять страхи по поводу «генетической стандартизации», ибо, по его мнению, стандартизации можно достичь при желании путем постнатального бихевиористского воспитания-тренинга, разнообразных техник внушения, или — в худшем случае — методом «кнута», т.е. как прежде.

Похоже, что насчет сокращения численности населения у Хаксли почти не осталось иллюзий. Он предсказывает, что, в отличие от Нового Мира, в мире реальном все события будут происходить на «удручающем биологическом фоне», ибо по многочисленным причинам, проанализированным им по очереди, «контроль над смертностью легко достигим, а контроль над рождаемостью — с большим трудом». Наш мир уже сейчас ведет себя, как «пьяный матрос, без оглядки пускающий на ветер весь свой заработок».²⁴ Ничто пока не противоречит очевидному: этот биологический фон будет все больше определять события истории, характер политических и экономических перемен. Отнюдь не космические полеты и открытия будут занимать человечество. Перенаселенность и ее последствия — вот чем будет озабочена планета. Писатель и здесь не преминул напомнить о кошмаре тоталитаризма. В самом деле, при таком положении, когда на Земле будут проживать миллионы полуголодных и при том беспрерывно размножающихся людей, сложится ситуация, при которой «свобода личности и благопристойность, характерная для демократического уклада жизни, станут невозможными, практически невыполнимыми».²⁵ Даже развитые страны, предсказывал Хаксли, не смогут избежать опасности: для них существует косвенная угроза со стороны перенаселенных и потому в конечном итоге тоталитарных слаборазвитых стран.

Нельзя не заметить очередного всплеска беспокойства Хаксли по поводу дисгенетического состояния генофонда. Как известно всякому, кто интересовался взглядами Хаксли, основой его мировоззрения, неизменно оставался тезис о том, что цель не оп-

равдывает средства по той простой и очевидной причине, что средства определяют природу цели. Между тем писатель не мог не отметить следующий парадокс: хорошие средства в отношении улучшения генофонда приводят к весьма плачевным результатам, в очевидности которых он ничуть не сомневается: «Несомненно, что помогать несчастным означает делать добро. Однако столь же несомненно, что передавать в огромных количествах последствия неблагоприятных мутаций в наследство нашим потомкам и все сильнее усугублять засорение генетического фонда, который будет обеспечивать наш собственный биологический вид, означает приносить зло».²⁶

Заметим, что эта моральная дилемма пока может быть безболезненно решена, по-видимому, лишь в системе религиозных воззрений. Но ни в одном из «духовных» текстов Хаксли вопрос о том, что является более этичным – отказать в помощи страждущему или не позаботиться о выживании вида – не был поставлен несмотря на то, что писатель неизменно постулировал как биологическую, так и духовную ценность каждой личности. Вывод напрашивается сам собой: Хаксли, очевидно, не видел в носителе потенциально-опасных генов и слабого интеллекта. Печальная история евгенической практики под руководством государственного аппарата в Европе и Америке показала, что при определенных условиях нет ничего проще, чем оказаться причисленным к дисгеническим особям. В разное время под угрозой добровольно-насильственной стерилизации оказывались то, например, врожденно слепые, то не способные своевременно трудоустроиться. Разве подобные факты не есть свидетельство «воли к власти» и «воли к порядку», главных человеческих пороков, согласно Хаксли? Разве эти нарушения свободы личности не говорят об опасности чрезмерного государственного контроля? Но тогда читателю остается лишь удивляться странной логике, точнее, ее отсутствию в «Снова в Дивном Новом Мире», в книге об опасностях тотального контроля. Не менее странным является и то, что в этом тексте, справедливо считающемся одним из главных сочинений зрелого Хаксли, вновь забыты те аргументы против отрицательной евгеники, о которых писатель был не просто осведомлен, но с которыми в свое время соглашался, когда освещал их в собственных публикациях.

Не странно ли, что, защищая биологическую уникальность каждого индивида и настаивая на том, что единообразие – это величайшее несчастье (в этой связи Хаксли резко критикует бихевиористов, которые настаивали на доминирующей роли среды и сводили к нулю вклад отдельной личности), писатель в то же время находил основания для генетического манипулирования. В оправдание ему заметим, что, очевидно, увлекшись рассуждениями об опасности унификации путем клонирования и «обусловливания», он «проглядел» другую опасность, кроющуюся в борьбе за контроль над чистотой генов ради выживания вида.

Подводя итоги многолетних демографических размышлений, Хаксли посвятил этой теме часть университетских лекций, прочитанных в 1959 г. в Калифорнийском университете Санта Барбары и впоследствии, уже после его смерти, напечатанных под названием «Положение человечества» (The Human Situation). В одной из лекций Хаксли говорит: «Если мы хотим быть евгенистами, то мы также должны быть и социальными реформаторами, ибо какой прок выращивать прекрасную породу людей, если условия их жизни столь плохи, что культивированные нами превосходные способности не могут быть реализованы. И, напротив, бессмысленно создавать восхитительную среду, если полученный по наследству материал – столь дурного качества. Нам придется всегда думать об этих двух факторах – nurture и nature, о наследственности и среде – как о нераздельных условиях, которые следует развить до наивысшего предела».²⁷

В сентябре 1960 г. Хаксли поехал на Дартмутский съезд, на котором решались важнейшие вопросы совести в современной медицине (Dartmouth convocation on great issues of conscience in modern medicine). Это было первое собрание ученых и медиков, посвященное проблемам биоэтики. На съезд приехали врачи, микробиологи, ведущие эксперты Всемирной организации здравоохранения. Общественное мнение было представлено не только такой знаменитостью, как О. Хаксли, но и Ч. Перси Сноу. Самые жаркие споры разгорелись вокруг генетики и евгеники. Микробиолог Р. Дюбо озвучил основную, с его точки зрения, этическую проблему в медицине, возникшую в результате двух процессов – продления жизни пожилых и умирающих и сохранения жизни детей с врожденными дефектами. Генетики, симпатизирующие евгенике, заявили, как водится, что по этим самым причинам генофонд находится в опасности. Нобелевский лауреат Г. Меллер настаивал на необходимости создания банка здоровой спермы, которая в совокупности с новыми репродуктивными методами позволит предотвратить неизбежную дегенерацию человечества. Продемонстрированный выступавшими моральный релятивизм вызвал лишь у немногих из присутствовавших справедливые опасения относительно границ той свободы, что может быть предоставлена тем, кто занимается прикладной наукой и практической медициной.

Через неделю после окончания съезда Хаксли написал о своих впечатлениях Х. Осмонду: «Конференция <...> которая проходила в Дартмуте на прошлой неделе, оказалась довольно неудовлетворительной, как и большинство конференций. Мы так никогда и не дошли до обсуждения одного из главных вопросов – манипулирования сознанием, несмотря на то, что этому было отведено целое заседание <...> время закончилось, а гипноз, промывание мозгов, препараты, изменяющие сознание, и гипнопедия даже не были упомянуты».²⁸

Из приведенной цитаты видно, что писатель не проявил интереса к тому, что составляло «гвоздь программы» съезда. Вопросы этичности евгеники и генетического манипулирования, равно как и проблемы врачебного выбора, оставили его безразличным. Этому можно найти два объяснения. Первое заключается в том, что в тот период он полагал, что психиатрия и управление поведением – это сферы, с одной стороны, наиболее перспективные, с другой – наиболее чреватые нарушениями прав человека. Нельзя сказать, что тревоги писателя были беспочвенны. Странно, однако, что дискуссии по вопросам евгеники и генетики не заслужили даже попутного замечания Хаксли. Возможно, справедливо второе объяснение: писатель не услышал ничего принципиально нового на эту тему или, быть может, считал для себя этот вопрос вполне понятным и прозрачным. В любом случае Хаксли не высказал никаких возражений по поводу услышанного от евгенистов.

В своем последнем художественном произведении, в романе «Остров» (1963), Хаксли, как и прежде, настаивал на том, что контроль над численностью населения – краеугольный камень гармонично сконструированного государства. Вероятно, поэтому, а также с учетом противоречивости человеческой природы на острове Пала, куда попадает главный герой, техника тантрического сексуального самоконтроля все же по необходимости дополнена презервативами и ранним сексуальным просвещением. Таким образом, в том, что касается мальтузианства, два столь различных общества, как Пала в «Острове» и Мировое Государство в «Дивном Новом Мире», достигли бы полного согласия и взаимопонимания. Кроме того, несмотря на то, что на Пале дети рождаются традиционным путем, все больше людей добровольно участвуют в специальной евгенической программе, предусматривающей подбор родителей и искусственное оплодотво-

рение (подробности освещены в гл. 12 «Острова»). Семья также выходит за традиционные рамки, когда детям становится в ней тесно или по каким-либо причинам некомфортно. С этой целью созданы «общества взаимного усыновления», расширяющие количество тех, кто добровольно сыграет роль матерей и отцов чужого ребенка. Идея создания таких обществ с целью получения детьми как можно больше любви и положительных эмоций высказывалась писателем и в лекции «Скрытые возможности человека» (Latent Human Potentialities), прочитанной в Университете Санта Барбары.

Тема контроля над рождаемостью и смертью, как мы видим, является сквозной в творчестве Хаксли. Было бы явной натяжкой считать, что мальтузианская и евгеническая доктрины неизменно осмыслились им в сатирическом ключе. Напротив, следует признать, что Олдос Хаксли изначально был и остался почитателем мальтузианства и евгеники, действенность которых, как он понимал, зависит от конкретной прагматики и политической ситуации. Вместе с тем демография, как никакая другая сфера интересов писателя, выявила столь явственно болезненный парадокс «цели и средства». В оправдание шовинистическим высказываниям в ранней публицистике Хаксли и его периодическим вспышкам евгенического экстремизма вспомним, что писатель разделял мнения многих великих ученых той эпохи. Их также можно с полным основанием обвинить в грехе «утопизма», проистекавшем из «воли к порядку». Как известно, «Дивный Новый Мир» классифицируется как роман-предупреждение. Но и сама по себе публицистическая карьера его автора может не с меньшим основанием служить предупреждением.

¹ Так, уже в 1956 г. профессор В. Льюис подсчитал, что если население нашей планеты действительно увеличится в соответствии очевидно с неверной закономерностью, выведенной Мальтусом, то к 2330 г. на планете будут проживать 173, 5 млрд чел., которых можно будет разместить разве что стоя.

² Huxley A. The importance of being nordic // A. Huxley. Complete Essays. Chicago, 2000. Vol. I. P. 384–385.

³ Huxley A. The modern doctrine of progress: How the achievements of civilisation will eventually bankrupt the world // Vogue. London 1928, March 21. P. 55, 78.

⁴ Ibid. P. 387.

⁵ Huxley A. The idea of equality // A. Huxley. Complete Essays. Vol. 2. P. 158.

⁶ Huxley A. A Note on eugenics // Ibid. P. 281.

⁷ Ibid. P. 282.

⁸ Ibid. P. 285.

⁹ Первоначально эта статья была опубликована в декабре 1930 г. под другим заголовком: Notes on liberty and the boundaries of the promised land // The Fortnightly Review. 1930. Dec. P. 746–753.

¹⁰ Хаксли изобразил Холдена в облике комичного биолога Шируотера, персонажа романа «Шутовской хоровод», 1923 г.

¹¹ Хаксли О. Желтый кром // Хаксли О. Шутовской хоровод: Романы. СПб., 1999. С. 46–47.

¹² Russel B. The scientific outlook. New York, 1962. – Книга Бертрама Рассела послужила источником множества идей и мотивов «Дивного Нового Мира», например, таких, как гипнопедия и «исопавловское формирование рефлексов» в воспитании и обучении. Подробнее об этом см.: Baker R. Brave new world: History, science and dystopia. Boston, 1990.

¹³ Через несколько дней после выступления на радио Хаксли опубликовал тот же текст в «Listener» под заголовком «Science – the Double-Edged Tool!» (цит. по: Huxley A. Science and civilization // A. Huxley. Complete Essays. Chicago, 2001. Vol. 3. P. 148–155.

¹⁴ Ibid. P. 153.

¹⁵ Huxley A. Are we growing stupider? // Ibid. P. 324.

¹⁶ Huxley A. Racial history // Ibid. P. 377–378.

¹⁷ Huxley A. The race racket; and reason eclipsed // Ibid. P. 374–375; 398–399.

¹⁸ Huxley A. What is happening to our population // Ibid. P. 400.

¹⁹ *Huxley A. Foreword// Montague A. Man's most dangerous myth: The fallacy of race. New York, 1942. P. VII–VIII.*

²⁰ *Huxley A. Reflections on progress// Huxley and God: Essays on religious experience (ed. J. Bridgeman). New York, 2003. P. 102–103.*

²¹ *Ibid. P. 104–105.*

²² *Huxley A. The double crisis// A. Huxley. Complete Essays. Chicago, 2002. Vol. V. P. 138. – Данная мысль была выражена еще в «Плановом обществе».*

²³ *Huxley A. Usually destroyed// Ibid. P. 349–353.*

²⁴ *Huxley A. Brave new world revisited// Ibid. Vol. VI. P. 226.*

²⁵ *Ibid. P. 227.*

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Huxley A. The human situation: Lectures at Santa Barbara. New York, 1972. P. 239. – Сейчас в связи с интенсивным и успешным изучением генома человека и развитием техники геной инженерии *положительная евгеника* может пониматься как повышение умственных способностей и физических данных всякого человека. Впрочем, пока никто не может с нужной долей вероятности предсказать последствия сдвига генетического механизма по одному или нескольким коррелированным признакам.*

²⁸ *Huxley A. Letters. P. 895.*

Работа выполнена при поддержке исследовательского гранта Программы Фулбрайт (США).

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2006 .